

УДК 81' 42:821.161.1. Астафьев 7 Кража

КОМПАРАТИВЫ В СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ

В. П. АСТАФЬЕВА «КРАЖА»

Н. А. Прокуденко

COMPARATIVE IN THE SOCIAL-PSYCHOLOGICAL STORY OF V. P. ASTAFJEV "THEFT"

N. A. Procudenko

В статье раскрывается обусловленность – как смысловая, так и количественная – использования компаративов В. П. Астафьевым в прозаических произведениях разных жанров.

The Article deals with sense and quantity stipulation of using comparatives by V. P. Astafjev in his prose works of different genres.

Ключевые слова: сравнение, лексическое наполнение компаративов, компаративный нуль.

Keywords: comparison, lexical filling of comparatives, comparative zero.

В палитре словесных изобразительных красок каждый художник слова избирает излюбленный оттенок, активно используя его для передачи своего мироощущения. Поэтому можно говорить об антитечности поэзии М. И. Цветаевой [2, с. 54; 5, с. 18] или о метафоричности прозы И. А. Бунина [1]. Прозу В. П. Астафьева, на наш взгляд, можно характеризовать как сравнительно-метафорическую [4, с. 175]. Использование этих словесных красок мотивируется не только предпочтением художника при их подборе. Авторское мировидение отражает его отношение к описываемой действительности. Именно авторская модальность, обусловленная содержанием текста, предопределяет выбор словесных красок.

Задача статьи – установить функциональную зависимость компаративов от содержания текста и его жанровой природы.

Наши наблюдения за лексическим наполнением сравнений в прозе В. П. Астафьева позволяют отметить, что традиционный перенос по линии человек-природа, носящий взаимонаправленный характер, осуществляется в основном в четком соответствии содержанию произведения. Так, в повести «Пастух и пастушка» и романе «Прокляты и убиты», передающих весь ужас пережитой автором войны, в описании природы встречаем пронзительные сравнения с номинациями объекта сравнения из военной тематики:

– ...вот косач снялся с берега и *черным снарядом* вонзившись в лес, взорвался там ворохом пестрого листа («Прокляты и убиты»).

–красно и желто догорали кустарники осенним листом, там и сям пробитые деревьями, *похожими на взрывы снарядов* («Прокляты и убиты»).

– ...оставив подо льдом мутное, *на зенитный взрыв похожее* облачко, металась рыба («Прокляты и убиты»).

– ...в поле аист ходит, трещит клювом, *что пулемет* («Прокляты и убиты»).

Действия же людей на войне, техника, используемая ими, образно сравниваются с природными обитателями лесов и полей:

– ...словно *куропатки стайками фыркают*, клюют землю пули («Прокляты и убиты»).

– ...в небо *мошкой* высыпали самолеты («Прокляты и убиты»).

– *Болотной лягушкой* расщеперилась среди дороги разжужьнутая легковая машина («Прокляты и убиты»).

– ...Командир первой роты Пшennyй...шел, *ровно бы одинокий медведь* по бурелому («Прокляты и убиты»).

– ...хищным *кориуном* свалился солдат, намереваясь обшмонать пленного («Прокляты и убиты»).

Люди на войне характеризуются через сравнения, объектом в которых является номинация нарушенной природы:

– Донеслось хриплое, надтреснутое завывание – *так кричат в тайге изнывающие звери, покинутые табуном* («Прокляты и убиты»).

– *Будто испугнутые вороны*, заорали пленные, бросились врассыпную («Прокляты и убиты»).

– Старшина поворотил соломой валенком, зацепил ремень, *похожий на избитую камнями змею* («Прокляты и убиты»).

– ...раненый вскрикнул пронзительно, *будто дробью стёгнутый заяц* («Прокляты и убиты»).

И техника, ведомая людьми, олицетворяется «природными» сравнениями с такой же тональностью напряжения и надрыва:

– ...ястребки, *точно птички*, надишленные камнем, ахнув, шелкнув чем-то, тонко и длинно запевали песню. («Прокляты и убиты»).

– ...одышливо, *как лошадиное сердце на подъеме*, работали моторы самолетов («Прокляты и убиты»).

Тема войны, столь значимая в жизни писателя, звучит её отголосками даже в сугубо житейской повести «Последний поклон». Не часто, но очень метко природа характеризуется сравнениями военной тематики:

– Там речка Крутенская тонким *остриём* втыкалась в камни и, сломавшись о них, опадала светлыми *осколками* в завал.

– Пещеры, как и много лет назад, целят с другого берега, из каменных стен *орудийными дулами* в село.

– ...спина рыбины, уходящая к раздвоенному хвосту, *напоминала торпеду* с насечками сверкающих колец.

— ...*(скотина)* не подчинялась пастуху, разбродно, *как войско при отступлении*, мчалась в панике к берегу.

— ...к зароду козы бежали нетерпеливо, *будто солдаты* с проходящих воинских эшелонов за кипятком.

В названных произведениях сравнения количественно, практически равновелико, характеризуют как центральные темы и персонажей, так и текстовую периферию. Лишь четко, в соответствии с названием произведения, ставится акцент на компаративное описание природы (Царь-рыба) или характеристику людей («Пастух и пастушка», «Прокляты и убиты», «Последний поклон») с неперменными, хотя бы и немногочисленными, сравнениями из воспоминаний о войне.

Но в более поздней социально-психологической повести «Кража», содержащей скромное количество сравнений (68 на 210 страниц текста!), из которых 19 компаративно характеризуют природу, только 2 из них основываются на сравнении с человеком:

— ...весна эта *вроде девки*, не вошедшей в лета, — нет в ней ни серьезности, ни крепкого огня, а так, улыбочки одни.

— На соседнем бугорке...почудилось Толе движение, *вроде бы кто-то из-за ёлок выглядывал*.

В остальных сравнениях (кстати, выраженных одноклассовно или словосочетаниями) природа характеризуется через сопоставление с артефактами (8) и естественными реалиями, близкими быту человека (6).

— Но оно (солнце) опрокинулось и полетело плашмя, *как тарелка*, которую Гошка однажды запустил в воспитательницу.

— *Крахмалом* похрустывает под валенками снег.

В заполярном Краесветске, холодном и снежном, разновидности снега ощущаются остро, что нашло отражение в сравнениях:

— Репнин видел город то занесенным по трубы сыпучим, *как манка*, перекалённым снегом, то в стоящих по окна весенних разливах.

— ...и скоро снегом заткнуло, *словно ватой*, темный рот, засыпало глаза.

Такие сравнения нам представляется возможным включить в перенос «природа-человек»: они не прямо, а опосредованно относят ассоциации к миру человека. Поэтому номинации объекта сравнений лексемами, называющими естественные реалии, близкие миру человека, считаем правомерным включить в этот перенос:

— Кровохлебка эта, с шишечками, *похожими на пересохшие капли бычьей крови*, пятнает низины до самых крутых утренников.

— ...среди них (облаков), *как яичный желток*, солнце.

— капли густели, *как сера*, и растягивались в сосульку.

Скудный природный мир через сравнения описан В. П. Астафьевым, словно в соответствии с реальностью, предельно лаконично, ибо не он, а мир человеческий, надрывный, сиротский — предмет писательского интереса.

Ядро этого мира представлено воспитанниками детского дома с его заведующим В. И. Репниным в центре. Из 59 сравнений, характеризующих людей в повести «Кража», лишь 3 факта проецируются на периферию.

Как отметил В. П. Астафьев, жизнь Репнина «получилась длинной, доверху наполненной событиями, и такими событиями, которые как *гранитная осыпь*, завалили всё». Одним этим «природным» сравнением автор повести характеризует жизнь главного героя как суровую, в которой противостоять жизненному валу невзгод предельно трудно.

Ещё 2 сравнения в анализируемом нами переносе очень важны в представлении образа заведующего детским домом:

— Репнин поджарый, сухой делается. В костях у него лёгкость, *будто у излетавшейся старой птицы*.

— Он думал, что вот ещё одну беду, *как гору*, перевалили в доме, ещё одна забота минула.

— Он преодолевает одну невзгору за другой и птицей, пусть уставшей, продолжает лететь по жизненному пути.

Одно единственное «военное» сравнение чрезвычайно значимо для понимания образа Валериана Ивановича:

— Внешне он хотя и огруз и ни в походке, ни в движениях его не угадывался военный человек, все же в нем, *как осколок войны*, всажена была внутренняя вышколенность.

Это сравнение не только «штрих к портрету», но и проявление авторского мировидения: раненное войной сердце писателя не может не чувствовать, не может забыть трагедию Родины, и этот трагический компаративный росчерк как отражение его самого.

Убедительно в количественном отношении преобладают сравнения, характеризующие обитателей детдома (32 языковых факта), но число «природных» сравнений и в этом случае достаточно скромно: их только 6.

Зная жизнь детдома не понаслышке, а изнутри, В. П. Астафьев сравнениями, проецируемыми на всех детдомовцев, причинно детерминирует их поведение:

— На самом дне души сироты, *как затонувший корабль*, всю жизнь лежит оно (потрясение. — Н. П.), сделавшее его сиротой.

— Память ребячья устроена, *как замок*: только поверни ключ и...

Их замкнутость, настороженность и даже озлобленность, вызванные жестокостью или безразличием взрослых, писатель принимает как реальную данность определенных социальных условий. Закрытый мир детского дома отражается в их душах, что подчеркивается использованием в роли объекта сравнения в основном артефактных субстантивов.

Сразу хочется заметить, что в образные компаративные номинации лексемами и словосочетаниями врываються сравнительные предложения, позволяющие представить не станичный, а динамичный образ воспитанников детдома:

— ...почти *птичьим наитием* детдомовцы всегда и заранее чувствуют перемену погоды.

— ...*Как далекие их предки*, первобытные люди, ...только-только начавшие осмысливать себя и жизнь, так же вот стояли ребяташки, запрокинув лица в небо.

Сравнения с широким обобщением подводят к мысли о необходимости признать детдомовцев равноправными членами людского сообщества. Эта мысль подтверждается также и тем, что расколовшиеся на 2 противоборствующих лагеря детдомовцы (после кражи денег в кассе бани и их перепрыгивание Толей Мазовым) антагонистически не противопоставляются в образах сравнений. В. П. Астафьев словно высказывает некое «компаративное сочувствие», высвечивая в сравнениях трудные стороны бытия детдомовцев.

Причина мученической жизни Гошки Воробьева с невероятной силой перлокутивности передана писателем цепью сравнений, характеризующих человеческую жестокость:

— Он поднял Гошку *будто младенца*, красуясь своей силой, ахнул, *словно дрова колот*, и посадил его на булыжник, *как на горшок*.

— У Гошки хрустнуло в спине..., а внутри пусто как-то сделалось, *будто ни кишок, ни живота, ни печенок, ни селезенок в Гошке уже не осталось*.

Смерть Гошки Воробьева потрясла всю ребятню, что лаконично явлено в артефактном образе сравнения:

— И вдруг гвалт разом оборвался, *будто отсекли его топором*.

Но на фоне всеобщего потрясения не может не отозваться в душе читателя спокойствие Толи Мазова, объяснение которому находим в сравнении:

— ...привык он к ним (мертвым) в сушилке, *как привык к снегу, к пурге*.

Компаративные характеристики в повести «Кража» получают не все обитатели детдома, но и по тем немногочисленным компаративным образам можно судить о снисходительном отношении автора к детдомовцам. Как артефактные, так и единичные природные компаративные образы оценочно либо нейтральны, либо сочувственны:

— Девочка *рыбиной* забилась в его руках.

— А в ней (лодке — Н. П.), *как в гнезде*, закутанный в дождевик мальчишка.

— Мишка Бельмастый...метнулся вверх по лестнице *скакуном*.

— Мишка Бельмастый *истуканом* торчит среди комнаты.

Лишь 2 сравнения можно квалифицировать как негативно характеризующие двух же самых трудных мальчишек:

— ...глаза его (Паралитика) с узкими зрачками, *ровно бы пробиты долотом*.

— Взгляд его (Деменкова) *глыбисто* тяжел.

Примечательно, что заглавное событие — кража денег и их перепрыгивание — не облекается В. П. Астафьевым в компаративные образы. Участники события через его призму ассоциативно не характеризуются.

Для автора важным являются только факты и их последствия. Такое отсутствие одного из действенных изобразительных средств мы склонны интерпретировать как текстово значимый компаративный нуль.

Подводя итоги исследования, мы можем, в соответствии с заявленной темой, отметить следующее:

1. Сравнения в палитре изобразительных средств В. П. Астафьевым используются достаточно широко, индивидуально ярко и четко закреплёнными за каждым текстом. Интертекстуальность сравнений для писателя не характерна, так как он всегда находит неповторимый компаративный образ для характеристики людей и окружающих их реалий.

2. Лексическое наполнение сравнений практически полностью предопределяется авторской модальностью текста, его содержанием, а также его жанровой характеристикой.

3. Главные для творчества В. П. Астафьева темы природы и войны непременно находят отражение в используемых писателем компаративах, которые либо усиливают звучание лейтмотива произведения, либо акцентируют основные черты характеризующих фрагментов действительности.

4. Языковое сознание писателя безупречно точно направляет художника слова на концентрированное или рассредоточенное использование компаративов, вплоть до отказа от них, что нам представляется возможным рассматривать как текстово значимый компаративный нуль.

Как заметила в своей монографии А. Н. Ростова, «в творческом начале креативной языковой личности ярко воплощены её жизненные принципы, взгляды на мир, душевное состояние» (6, 13). Справедливость этого заключения, надеюсь, подтвердили и наши наблюдения.

Литература

1. Ефремов, В. А. Ассоциативно-вербальная организация новелл И. А. Бунина «Тёмные аллеи» / В. А. Ефремов: автореф. дис... канд. филол. наук. — СПб, 1999.
2. Козина, Н. А. Антонимия «чёрное — белое» в очерке М. Цветаевой «Мой Пушкин» / Н. А. Козина // Проблемы семантики. — Рига, 1982. — С. 54.
3. Москальчук, Г. Г. Композиционная роль сравнений в идиостилиях поэтов «серебряного века» / Г. Г. Москальчук, Т. Б. Попова // Текст: структура и функционирование. — Вып. 2. — Барнаул, 1997. — С. 125.
4. Прокуденко, Н. А. Метафорические сравнения: типы и способы метафоризации (на материале повести В. П. Астафьева «Последний поклон») / Н. А. Прокуденко // Славянская филология: исследовательский и методический аспекты. — Кемерово, 2000. — С. 175.
5. Пушкарева, И. А. Смысловые лексические парадигмы в лирике М. И. Цветаевой / И. А. Пушкарева: автореф. дис... канд. филол. наук. — Томск, 1999. — С. 18.
6. Ростова, А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания / А. Н. Ростова. — Томск, 2000. — С. 13.